

Сеш Поич

Тот, чье имя известно

Сеш Поич

Тот, чье имя известно

<https://litres.ru/73946724>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если в глубинах мозга скрыта не просто область повышенной активности, а портал в загадочный мир, ведущий к таинственной сущности, которую учёные осторожно называли Хозяином?

Константин Штур — единственный оператор, кто решается погружаться снова и снова в зону информационной насыщенности, балансируя на грани реальности и иллюзии. Его путь — это спуск в лабиринт собственного сознания, где неконтролируемая агрессия неотделима от проблесков разумного осмысления.

Каждый сеанс заканчивается одинаково: все персонажи, генерируемые мозгом, погибают. Он же возвращается с головной болью и обрывками воспоминаний. Но однажды он увидит гибель товарищей, услышит зов — и встретится с Хозяином лицом к лицу.

Кто он? Божественная сила? Воплощение смерти? Или зеркало, отражающее самое сокровенное «Я»?

Рассказ о том, как наука, философия и человеческая одержимость сталкиваются в попытке понять, что скрывается за гранью сознания.

Содержание

1	5
2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Тот, чье имя известно

1

«Нас было шестеро» — вывел я простым карандашом в полевом дневнике оператора. Этой записью открывалась творческая составляющая рабочей смены. Затем откинулся на спинку кресла, крепко сжал веки и помассировал виски. Болела голова. Выход из сеанса становился тяжелее. Я заставил себя вновь склониться над документом и зачеркнуть слово «было», поскольку его выдумал, а не взял из шифра диаграммной ленты, беспорядочно расползшейся по письменному столу. Несколько полос петлями свисали к полу.

На сеансе произошло чрезвычайное событие, но подробности еще предстояло выяснить из этой горы розового серпантина, а в голове остался набор лишь обрывочных воспоминаний. Из последнего отчетливо запомнилось состояние легкости, а вместе с ней — отрешенности на фоне полной определенности. Странное, — я бы сказал, нечеловеческое — чувство, когда вопросы теряют смысл из-за ответов, не вызывающих сомнений — и внутренняя пустота. Я стоял перед стеной бескрайней водной глади и смотрел на свое отражение, смазанное мелкой рябью. Помнил фразу перед провалом в координатную сетку: «Истина между букв!» — кем бы она ни была произнесена и что бы ни значила.

Я стер ластиком зачеркнутое слово и поверх написал его заново: все-таки «нас *было*» — обоснованное допущение, потому что нас *не стало*. Все предыдущие сеансы заканчивались как по отработанному сценарию. Снова стер это же слово — ластик оставил на бумаге едва заметную ворсистую дорожку, — и поставил вместо него тире: «Нас — шестеро». Присмотрелся к строке. Тире будто перечеркивало то, что было, и то, чего уже нет. Получилось коротко и без эмоции. Можно подумать: ничего не случилось.

«Так дело не пойдет, — подумал я, рассеянно вращая карандаш между большим и указательным пальцем — в голове настоящий бедлам. — Какой ерундой я занимаюсь!».

Я втянул воздух полной грудью и медленно выдохнул. Написать: «Группа состояла из шести человек» — окатит официальностью. Текст в подобном стиле не понравится Лири-не Аркадьевне — главному редактору научно-популярного журнала «Фокус мысли», с очень вероятной жалобой на канцелярит. Я — ее вдохновитель, а она — мой первый читатель, друг и советчик, с нетерпением ожидающая новых отчетов о моих «приключениях». Так она называет работу, выжимающую из меня все силы — и физически, и эмоционально. Но написать «Нас собралось ровно шестеро: шесть голосов, шесть характеров, шесть судеб, сплетенных в одну историю» — значит, во-первых, соврать (речь не идет о полноценном обществе — ниже поясню, что имею в виду); во-вторых, вызвать профессиональную претензию руководителя —

главного инженера, с гарантированным возражением на излишнюю художественность. И будет по-своему прав. Признаться, я не впервые позволял себе вольность отходить от строгого регламента ведения документации, разбавляя сухие данные наблюдений собственными мыслями, за что искренне раскаивался, но никогда не врал на работе. Годы общения с официальными бумагами оставили след: канцелярские обороты проникали в речь, словно въедливая пыль. И вот, на склоне лет, я взялся вычищать их, слово за словом, в чем мне и помогала Лирина Аркадьевна.

Я расслабился в кресле, закрыл глаза и сосредоточился на устранение шума в ушах. Как правило, он исчезал.

«Видит Дарвин, стараюсь угодить обоим, — подумал я и решил: — Буду писать, как чувствую!».

Небольшое отступление: под личными местоимениями «нас» или «мы» мной обычно подразумевается инициативная группа ученых в составе трех человек под руководством главного инженера Гирина (естественно, за спиной его называли инженером Гариным, что изобрел гиперболоид). Но в контексте ведения дневника местоимения, указывающие на лицо — это образы людей в различных ипостасях. Они находятся рядом со мной и выступают в качестве массовки, заполняя информационное пространство. Их может быть семеро, двенадцать или тридцать три — не суть. Они — многоликий я. Живой и мертвый, реальный и воображаемый. Никаких противоречий. Вместе мы одно целое.

К завершению сеанса я неизменно оказывался в одиночестве — точнее, один на один с неизвестностью — и вслед за остальными «умирал», условно говоря. Сказать, что меня грубо выставляли за дверь, и всякий раз я вынужден был прощать откровенную неучтивость, — так себе объяснение. Звезд с неба я не хватал и понимал: при всем опыте, авторитете в научных кругах и пятидесяти четырех годах, отданных исследованию объекта мирового интереса, оставался статистом.

Мир, что мы изучаем, официально имеет аббревиатуру I.S.Z. — information saturation zone, или зона информационной насыщенности (по-нашему, в шутку — Зина). К ней у нас пробудились особые чувства: безответная любовь и бессмысленная ненависть, граничащая с отчаянием. Отсюда поначалу и нервные выкрики неопытных операторов перед входом в зону: «Я вхожу в тебя, Зина!», «Открой мне ворота, Зина!», «Я заставлю тебя стонать, Зина!». Прекрасно их понимал, но не одобрял. Как-никак, речь шла о зрелых людях, а не юнцах, которые не смогли справиться со своими гиперсексуальными порывами. На сегодняшний день я полностью монополизировал процесс, став единственным оператором в институте, ради безопасности научного проекта, чем привлёк к собственной персоне массу дополнительной критики.

Зона при нашем вмешательстве представляется хаотичной и нелогичной по причине избытка информации, наложенной друг на друга, как слоеный пирог, который пред-

лагается откусить разом, но воспользоваться предложением мешает ограниченность ротовой полости (читай: человеческих возможностей познания). Это обстоятельство, в принципе, и объясняет название мира и настойчивость в его исследовании, возбуждая в ученых первобытный азарт охотника. Мир уникален. Никто, правда, не возьмется утверждать, что он — по существу и есть хаотичный, и нелогичный, учитывая недостаток знаний о нем. Причем компьютерная модель, построенная на основе имеющихся сведений, показывала: должна существовать допустимая граница между порядком и хаосом. Но нащупать ускользающую грань нам пока не удавалось — либо «недолет», и тогда фактически связь с зоной недоступна, либо «перелет», что происходило чаще, и тогда зона воздействовала на сознание, связывая по рукам и ногам.

— Костя, — прервал мои мысли вошедший в кабинет Гирин, — как ты?

— Григорий Иванович, — устало обратился я к нему, но продолжил сидеть в кресле с закрытыми веками, — что-то пошло не так?

— Обошлось без сюрпризов — в штатном режиме, не волнуйся. Ты не бережешь себя. Я предлагал увеличить время отдыха — кто же меня слушал...

— Завелся. — Я скорчил гримасу. — Останавливаться нельзя. Мы должны идти дальше. И грант на следующий год должны обосновать. Или отсебятину будем писать? А я чув-

ствуую, что мы близко. Вот-вот.

— Это радует, но поберечься не помешает. В конце концов, у тебя есть в запасе неделя для сдачи отчета, — пытался образумить меня главный инженер, — а, ты, смотрю, расшифровку уже начал. Из огня да в полымя.

— Да, на первом предложении слова закружились. Не мог сосредоточиться. И ниточку боюсь потерять. — Я открыл глаза, бегло осмотрел оборудование и снова закрыл: декодер выдал изрядную порцию зашифрованной записи, и эта куча не испарилась.

— Ну так отдохни, — поддержал Гири́н, — никуда твои ниточки и ленточки не денутся.

— Никуда не денутся, но дело такое, Григорий Иванович, пока память свежа, можно быть уверенным на девяносто девять, что корреляции не потребуются.

— Понятно, понятно, — главный инженер по-дружески похлопал меня по плечу. — Кстати, разговаривал с компьютерщиками, они настаивают, что систему безопасности отладили. Ты уверен, что хочешь продолжать работать с музейными экспонатами? Не думал прялку прабабушки притащить? — по-доброму съязвил он. — Научил бы непутевых узелковому письму.

— Зря смеешься, — устало отмахнулся я.

— Ах, да, — вспомнил Гири́н, — это же зарядка для двигательных нейронов, и все такое.

— Именно! — утвердительно признал я. — Как раз в чет-

верг буду читать лекцию о когнитивных функциях и ассоциативных связях. Приходи, если интересно.

В дверь постучали. Я поднял веки и повернулся к входной двери. Гири́н скомандовал: «Войдите!». В кабинет вошла ассистентка Эната Сергеевна, миловидная хрупкая девушка, в белом халате. В руках она держала мой парик на подставке. Специальный парик защищал электроды от внешних воздействий — носить его было моей обязанностью. Я невольно дотронулся до своей лысины и провел по гладким кончикам электродов, торчащих из черепа и напоминающих одежные кнопки. Моя макушка подсушилась, остатки контактного геля благополучно впитались.

— Константин Федорович, — сказала она тихим нежным голосом, — вам необходимо надеть...

— Вот моя боль, — простонал я, развернувшись в кресле (играть не приходилось, потому как выглядел паршиво, но заметно оживился, без пошлости рассматривая ассистентку — хранительницу париков ведущего научного сотрудника Константина Штура), — красавица черноокая.

— Константин Федорович! — деликатно одернул меня Гири́н. В присутствии подчиненных он считал уместным соблюдать официальный тон в общении с равным по должности, к самим же подчиненным он относился без излишней формальности. — Проходи, проходи, Энюша.

— Мои должностные обязанности не предусматривают глазки вам строить, Константин Федорович, — в голосе Эна-

ты промелькнули нотки раздражения. — Давайте голову.

— Подчиняюсь без возражений, — произнес я, оторвав спину от кресла и подставив лысину, усмехнулся: — И не помню, какой цвет волос у меня.

— Седой, Константин Федорович, седой, будьте уверены, — махнул рукой главный инженер, — как ваш парик.

Эната протерла мой череп лосьоном, ловко пристегнула парик на электроды со лба на затылок с характерными щелчками и пробежала пальцами по накладным волосам, чуть взъерошив. Не отрываясь, я смотрел на вырез ее белого халата и на черную родинку, украшающую основание шеи, — в этом было что-то гипнотическое.

— Эночка, спасибо, — вместо меня поблагодарил ассистентку Гирина и попросил: — А завари нам чаек, пожалуйста.

— Хорошо, — сказала, уходя, она.

— Спасибо, Эната Сергеевна! — добавил я от себя, провожая ее взглядом.

— Пожалуйста.

— Ты пропустил две обязательные томографии, — напомнил мне Гирин.

— Знаю, — сухо ответил я. — Придется пропустить и следующие. Ты уж прикрой меня от назойливой охраны труда.

— Не вопрос. Но я бы больше беспокоился об этической комиссии и сроках службы имплантатов в твоих извилинах. У них вызывают опасения возможные побочные эффекты от

частой электростимуляции.

Я посмотрел на главного инженера снизу вверх. Мне хотелось сделать выражение лица ироничным, показать, что не отношусь к его словам всерьез, но из-за подавленного состояния он мог решить: я прошу помочь разобраться и с этической комиссией. Гирин был одет в темно-коричневый костюм свободного кроя с коротким рукавом. Такой же был на мне, но внешне мы отличались: он небольшого роста, полный, на одиннадцать лет младше меня, гладковыбритое круглое розовощекое лицо, короткая стрижка, темные с проседью волосы; я — на голову выше, худощавый, но не совсем скелет, обтянутый дряблой морщинистой кожей.

— Разреши немного поработать, — попросил я, усаживаясь в кресле поудобнее.

— Без фанатизма, Костя, — Григорий Иванович вновь хлопал меня по плечу, подбадривая, и вышел.

Как выяснилось, чтобы встретиться с загадками природы, вовсе не обязательно лететь в соседние галактики — стоит лишь заглянуть в потайные уголки человеческого сознания.

Исследования проводятся на планете Земля, в лаборатории Объединенного международного научно-исследовательского института изучения мозга имени академика И. П. Павлова.

Расскажу вкратце их суть. На тщательно выбритую голову оператора, с вживленной электродной сеткой внутри черепной коробки, надевается плотно облегающая резино-

вая шапочка. Она крепится к электродам, торчащим из кожи, с помощью турникетных кнопок и соединяется проводами с многоканальным 3D-осциллографом, дешифратором нейронного кода («декодером мыслей») и компьютером. В мозг «подсаживают» маркерный ген: он работает как маячок, подсвечивая вспышки активности нейронов. Психоактивные препараты помогают оператору заснуть. Затем в фазе быстрого сна, ему проводят электромагнитную стимуляцию мозга — так испытуемого вводят в состояние осознанного сновидения. Специальное оборудование фиксирует активность разных зон мозга во время мышления. Передача и получение данных осуществляются за счет считывания движения пальцев, отстукивающих «морзянку». Причем распознаются не столько мышечные сокращения, сколько первые сигналы двигательной коры мозга, формирующие нервные импульсы. На дешифратор посылаются спайки, пики, волны, их комбинации — такие, какие могут быть в электроэнцефалограмме вашей бабушки при нарушении всех имеющихся в природе ритмов мозговой деятельности.

Ну как, представили бабушку? Я очень похож на нее после выхода из сеанса.

2

«Нас —шестеро», — прочитал я запись в дневнике, поверх тире вывел жирным «было», расправил конец диаграммной ленты, изучая кривые линии, и добавил: — «К носителю (дублеру) я присоединился поздно. Слишком поздно для осознанного принятия решений. Как всегда»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.